

УДК 242
ББК 84(2 Рос=Рус)6-4
Б 74

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-009-0278*

Богданова, И. А.

Б 74 Несёт меня лиса: Роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 489, [7] с.

ISBN 978-5-00127-184-0

Как поступить, если внезапно соприкасаешься с семейной тайной? Надо ли её разгадывать или лучше не трогать, чтобы не брать на себя вину за чужое прошлое? Зачем эти трудности, если впереди маячит интересная работа и материальное благополучие?

Но от себя убежать невозможно, и бывает так, что выход из тупика обнаруживается случайно; главная трудность — не свернуть с намеченного пути, какие бы блага тебе ни сулили взамен.

Ирина Богданова — лауреат литературного конкурса «Новая библиотека» им. С. Т. Аксакова и номинант Патриаршей литературной премии. Её произведения пользуются неизменной любовью читателей, потому что героям книг присущи доброта, стойкость и оптимизм, которых порой так не хватает в нашей повседневной суете.

УДК 242

ББК 82.2(2 Рос=Рус)6-4

© Богданова И.А., текст, 2020

© Издательство Сибирская Благовонница,
оформление, 2020

В тумане я всегда чувствовала себя неуютно, словно бы чья-то невидимая рука накинула мне на голову пуховое одеяло и не даёт из-под него высунуться. Я барахтаюсь, пытаюсь вынырнуть на поверхность, но туман медленно поглощает меня, и я иду по длинной аллее с облетевшей листвой, где существуют лишь туман, голые деревья и одинокая я.

Страх возник в далёком детстве, когда я заблудилась в парке, где моя мама с подругой сидели на скамеечке. Осенняя листва устилала землю разноцветными ладошками кленовых листьев. На мне были надеты зелёный комбинезон в белую клеточку и яркие резиновые сапожки. Отчётливо помню песочницу с красным ведёрком, совочек в руке и собственный рёв вперемишку с отчаянными криками:

— Мама! Мама!

Я бегу вперёд, кружу вокруг деревьев и куда ни сунусь — везде глаза застилает тягучее белое облако, похожее на дым из огромной заводской трубы. То воспоминание накрепко отпечаталось в блоке памяти, и когда на меня наваливаются проблемы, то я немедленно ощущаю себя маленькой потеряшкой посреди опасной туманной дали. Вот как сейчас.

Я единственный ребёнок у родителей и, наверное, поэтому всегда находилась под постоянным воспитательным прессингом. Мама мечтала о моей карьере доктора, желательно дантиста или окулиста, чтоб поспокойнее и подходнее. Папа предпочитал нечто более подходящее для женщины, например психолог-консультант или модельер-конструктор: и престижно, и в интересном обществе вращаешься. Причём папа агитировал так убеждённо, словно провёл долгие часы в кресле у психотерапевта или доподлинно знал всю подноготную модельного бизнеса.

Подыскивая мне работу, родители часто до крика спорили между собой, и тогда я накрывала уши подушкой и начинала

вслух бубнить параграф из учебника, какой попадался под руку. Почему-то чаще всего это оказывалась физика, к которой я относилась где-то между «плохо» и «очень плохо». Тем не менее, благодаря бурным ссорам, я запомнила, что диполи в электростатическом поле поляризуются, а ещё бывают электроны и дырки.

Видимо, из духа противоречия я напрочь отmeldа родительские чаяния о моей будущей профессии: закончила исторический факультет педагогического университета, но работать по специальности не стала, а увлеклась рекламным бизнесом. Ныне у меня своё крохотное агентство с четырьмя сотрудниками, закуток, гордо именуемый кабинетом, и куча долгов перед банками. В целом наша фирма держится на плаву, но клиент идёт то густо, то пусто, и добывание новых заказов превращается в сплошную головную боль.

Щёлкнув два раза мышью, я впиалась в монитор компьютера, силясь понять сюжет рекламного ролика творожка «Бомбон». Трудно придумать более дурацкое название для творожка, но хозяин — барин, а мы должны работать с любым материалом, если не хотим

вылететь в трубу. Если честно, то в последнее время я частенько представляла себе эту самую трубу, почему-то ярко-синего цвета, и то, как я лечу в ней с космической скоростью, больно стучаясь головой о стыки и швы.

На экране монитора мелькали балерина в воздушной пачке и юный паж, который на бархатной подушке протягивал приме баночку творожка. Естественно, преклонив одно колено.

— Ну как, Евгения Игоревна, нравится? — тревожным голосом спросила интернет-маркетолог Оля. — Если придётся переделывать, то денег нет.

Я вздохнула. Денег всегда нет.

— Оля, а почему они в белом?

— Ну как! — В Олин голос прокралось недоумение. — Белый цвет — символ чистоты. Этим мы подчёркиваем, что продукция высокого качества и, кстати, низкой калорийности. Может употребляться даже балеринами и этими, — Оля наморщила лоб и запнулась, — балерунами.

— Танцовщиками, — подсказала я.

— Ну да, танцовщиками, — согласилась Оля, — всегда забываю, как их называют.

Я дождалась, пока балерина в танце доест последнюю ложку творожка, и закрыла окно на экране:

— Сойдёт, отправляй заказчику. И не забудь напомнить об окончательной оплате.

— Само собой, не сомневайтесь, Евгения Игоревна, живым он от меня не уйдёт, — елеинным голосом пропела Оля и упорхнула к своему столу, оставив после себя приторный запах духов и шоколада. А я поплелась к чайнику, потому что если прямо сейчас не сделаю пару глотков растворимого цикория, то свалюсь под стол. Приходилось признаться, что три верные подруги — усталость, стресс и депрессия — стали моими постоянными спутницами. Почти год, как я просыпалась ровно в три часа ночи и до утра крутилась с боку на бок, не в силах больше уснуть. На работу я плелась как на каторгу с мыслями об ещё одном невыносимо долгом дне. Поход к психотерапевту закончился рецептом на антидепрессанты, которые, впрочем, почти не помогали, и будни по-прежнему тянулись беспросветными серыми вереницами из больших и маленьких проблем и неприятностей.

На сегодня мне предстояли переговоры с клиентами, отчёт перед банком, обсуждение нового заказа, просмотр корреспонденции, ответы на письма и куча всяческих дел, которые надлежало выполнить ещё вчера. К вечеру я обычно настолько выматывалась, что сил хватало лишь доползти до квартиры, залезть под душ и наскоро съесть остывший ужин, с тем чтобы завтра с утра опять мчаться по бесконечному кругу забот, которые не предусматривали никакой личной жизни. Иногда я думала, что зря жду наступления счастливых времён. Время не приходит — оно уходит. Жизнь — это сейчас, и нет никаких «потом».

* * *

Первые годы моей жизни мы с родителями обитали в огромной коммуналке окнами на Исаакиевский собор и речку Мойку. Иногда мимо окон с тарахтением проплывали катера и речные трамвайчики. Заслышав их приближение, я забиралась с ногами на подоконник и махала им рукой в форточку. Иногда пассажиры отвечали

на приветствие, и тогда я счастливо подпрыгивала, рискуя упасть и удариться головой о батарею.

Помню длинный коридор, по которому хотелось прокатиться на велосипеде, узкую кухню, загромождённую мебелью и газовыми плитами, — у каждой хозяйки по одной горелке — и злющую соседку Марию Макаровну со свекольными щеками и вечно слезящимися глазами. На любой мало-мальски громкий звук Мария Макаровна выскакивала из своей комнаты, хватала в руки швабру и начинала орать про невоспитанную молодёжь, которой место в колонии для малолетних преступников или в сталинских лагерях. Поэтому мимо её комнаты жильцы предпочитали ходить на цыпочках, а спускание воды в туалете превращалось в целый ритуал, о котором сейчас даже смешно и вспоминать.

Комната в коммуналке была огромная, с высоченными потолками и самым настоящим камином, украшенным голубыми изразцами с рисунками, — я могла разглядывать их бесконечно. Наверное, из тех изразцов и вырос мой интерес к истории, потому что каждый сюжет был словно секретная дверца

в таинственный мир, где кавалеры катали дам на длинноносых гондолах, ветряные мельницы вращали крыльями, пастухи пасли крошечных овец; размахивая стягами, скакали всадники, а рыцарь в латах протягивал принцессе розу на длинном стебле. Когда я болела, то просила папу передвинуть кровать поближе к камину и мысленно переносилась в неведомую страну Каминию, где я, конечно же, была принцессой, а рыцарь в латах вырывал меня из лап огнедышащего дракона.

Мой папа работал и работает бухгалтером. А мама! О, когда я называю мамину профессию, у собеседников обычно глаза становятся круглыми, как пробки от бутылок, и они восторженно охают:

— Неужели? Ну надо же! Бывают в жизни чудеса!

И всё потому, что моя мамуля — промышленный альпинист. Как говорится, коня на скаку и в горящую избу...

Когда прошло время, меня определили в начальную школу, к тому же мы переехали из коммуналки: нам дали отдельную трёхкомнатную квартиру размером в половину прежней комнаты. Теперь, сидя за кухонным

столом, можно было спокойно помешивать суп в кастрюле на плите, а лёжа в ванной — класть мыло на крышку унитаза или раковину. Но зато в новой квартире у меня появилось своё личное королевство, куда удалось втиснуть кровать, письменный стол и одностворчатый шкаф для вещей. Правда, чтобы выдвинуть в шкафу нижний ящик, приходится чуть-чуть смещать кровать в сторону. Ну, да ничего, я привыкла.

С тех пор я часто порывалась уговорить родителей улучшить жилищные условия, но мама решительно отметала все попытки жёсткими аргументами про сирень под окнами и подъезд, где всех соседей знаешь в лицо, где даже местный алкаш Григорьич при встрече здоровается и помогает донести сумку. Кроме того, пятый этаж без лифта сам по себе очень полезен ежедневными тренировками, потому что не даёт расслабиться и обрасти жирком. Правда, папе энергичный подъем по лестнице не помешал обзавестись уютным животиком, а заодно и лысиной, которую он трогательно прикрывал тремя редкими волосинками.

Сейчас передо мной стояла цель накопить на собственную квартиру, поэтому я работала

день и ночь, хотя, надо признаться, без особого финансового успеха. Как говаривала Фаина Раневская: «Всё сбудется, стоит только расхотеть».

* * *

Телефонный звонок застиг меня в ванной. Гаджет лежал на краю раковины и, проиграв мелодию, плавно заскользил вниз, к отверстию для слива. Перехлестнув волну на пол, я выскочила из воды и взглянула на дисплей. Ого! Звонил не кто-нибудь, а руководитель конкурирующей фирмы господин Кругликов.

— Я слушаю!

— Евгения Игоревна? — Голос Кругликова, под стать фамилии, мягко обволакивал собеседника чуть протяжным говорком с лёгким северным оканьем.

— Да, я.

— Евгения Игоревна, миленькая, у меня к вам очень серьёзный разговор. Где мы можем встретиться?

«Серьёзный разговор? Миленькая? Встретиться?» — навевая тревогу, пронеслось у меня в голове. С тех пор, как Кругликов нагло

перехватил у меня заказ на рекламу зубной пасты, наши фирмы балансировали на грани холодной войны.

В мой ответ я вложила осколки льда вечной мерзлоты:

— Я занята.

Он легко хохотнул:

— Евгения Игоревна, поверьте, наша встреча в ваших интересах. И кроме того, у меня для вас важная информация. Я бы даже сказал — архиважная.

Прежде чем ответить, я стряхнула воду с пальцев и вытерла руки о полотенце.

— Хорошо, поверю вам на слово. Вас устроит завтра в полдень?

— Устроит, устроит, — заворковал в трубке Кругликов и снова хихикнул, — буду ждать встречи, как бабочка первый весенний день.

«Да он ещё и романтик, — подумала я мрачно, — наверняка задумал какую-нибудь гадость». И не ошиблась.

Ровно через сутки я стояла на Благовещенском мосту и смотрела вниз на массу тёмного льда, подёрнутого весенними трещинами. Бездна Невы завораживала и притягивала.

На душе было примерно так же, как сейчас подо льдом — черно и холодно. Ветер сбивал с головы капюшон и забирался под шарф, накрученный поверх модного лёгкого пальтеца. В дрожащем воздухе стыли старинные особняки на гранитной набережной. Осиянная электрической подсветкой, выгибалась дуга Дворцового моста напротив Зимнего.

Скинув перчатку, я достала из кармана телефон и набрала номер подруги.

— Наташка, можешь поздравить, я теперь безработная.

— Как? — ахнула на том конце Наташа. — У тебя же своя фирма!

— Была своя, теперь чужая. Помнишь, я тебе рассказывала про Кругликова? Так вот, этот гад явился с документами, что перекупил мои долги. Но знаешь, самое обидное не это. — У меня набежали слёзы, и чтобы их прогнать, мне потребовалось перевести дух. — Самое обидное, что он успел переговорить с моей командой, посулить им повышение зарплаты, а они все как один выступили на его стороне.

— Что, и Максим? Вы же с ним вместе начинали?

Хотя Наташа меня не видела, я кивнула головой:

— Максим в первую очередь. Теперь он начальник вместо меня.

— Ты попыталась бороться? В конце концов, повыгонять их всех к ядрёной бабушке, начать сначала. У тебя ведь репутация.

Я подняла брови:

— Именно что репутация. Кругликов так и сказал: покупаем, мол, не ваш проваль- ный бизнес, а вашу репутацию. Так что после оформления документов я ещё получу от него какие-то смешные деньги, якобы за продажу фирмы. Правда, меня он соглашался оставить в качестве креативного менеджера.

— Какое великодушие! — громко возму- тилась подруга. — А ты?

— Короче говоря, я развернулась и ушла.

— К тебе приехать? Ты сейчас где? — за- волновалась Наташа.

— Я на Благовещенском мосту.

— Женька, не вздумай! Немедленно ухо- ди оттуда! — взорвалась криками телефонная трубка. — Совсем с ума сошла!

Я недоумённо похлопала ресницами, пока до меня не дошёл смысл её ужаса.

— Наташ, я, конечно, дура, но не настолько, чтоб прыгать с моста. — Я подняла голову и посмотрела в небо на череду туч, что рваными клочьями плыли над городом.

Наташа облегчённо вздохнула:

— И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю. Искать работу. На первое время можно официанткой в «Теремок», буду продавать блины и пирожки. Не пропаду, да и родители тарелку супа всегда нальют.

Наташа помолчала, затем произнесла:

— Женечка, тебе сейчас надо уехать на месяц-другой. Просто прийти в себя, отдохнуть, привести мысли в порядок, а там обязательно что-нибудь нарисуеться. Знаешь, как говорится: не было ни гроша, да вдруг алтын. Помнишь, как я рыдала, когда потеряла работу в музее? А теперь делаю то же самое на предприятии и получаю в два раза больше. Не будь сокращения, сидела бы себе на старом месте без всяких перспектив и кланялась в ножки старшим научным сотрудникам. Слушай, а может, ты пойдёшь к нам, на завод? Я могу разузнать про вакансии.

От разговора с Наташей я стала постепенно приходить в себя. Она умела направить

мои мысли в нужное русло. Мы подружились с ней на первом курсе института и всегда ходили дружной парой, которую сумел разбить лишь толстенький коренастый физик Федюня. Теперь у Наташи с Федюней трое детей, а у меня ни кола ни двора, потому что принцы на белых конях, видимо, откочевали в дальние страны... Под моими окнами не цокает ни одно лошадиное копыто.

* * *

Предстоящий разговор с родителями страшил: не каждый день приходится признаваться, что тебя предали единомышленники и ты осталась у разбитого корыта. Но, видимо, мой бледный вид говорил сам за себя, потому что папа кинулся на кухню ставить чайник и печь шарлотку, а мама села рядом и погладила меня по голове, как маленькую.

— Ушла из рекламы? Ну, слава Богу. Я давно говорила, что ты занимаешься глупостями, дуришь людям голову.

— Мама, я не дую, я информирую.

— И о чём же? — парировала мама. — О том, чтобы заставить людей купить не очень

и нужное? Или убедить сходить на концерт этой, как её, певицы Малинки? — Мама сложила губы трубочкой и томно пропела: — «Три букета мне за это, три букета».

Получилось так похоже, что я фыркнула. То, что родители не в панике, меня подбадривало, но я знала, что депрессия накроет позже, когда я затворю дверь в свою комнату, свернусь под одеялом калачиком и стану сдавленно рыдать в подушку, чтоб никто не услышал. Я с детства могу плакать только в одиночку, даже если очень больно или страшно.

Мама со вздохом обняла меня за плечи:

— Вот что, Женя, тебе необходимо сменить обстановку.

— Где-то я уже это слышала, — пробормотала я обречённо, — но никуда не поеду.

Мама встала и решительно уткнула руки в боки:

— Поедешь как миленькая. Нечего сидеть здесь и раскисать. Надеюсь, ты помнишь, что у тебя есть свой дом?

Я оторопела:

— Мама, какой такой дом? Ты о чём?

— О тёти-Надином доме. Как ты могла забыть, что мы с папой всю прошлую зиму

пробегали, оформляли тебе наследство? Ты нам ещё доверенность писала! Кстати, ты так и не удосужилась съездить и посмотреть на него.

— Ах, это! — Я сплела пальцы, мельком заметив, что неосознанно сидела со стиснутыми кулаками. — О нём я и думать забыла. Не представляю, зачем мне дом в захолустье, тем более что я не собираюсь заниматься огородом или садом. Да и деревню не люблю.

— Это не деревня, а райцентр, — с нажимом произнесла мама. — А тётя Надя — моя троюродная сестра, единственная родственница. Хотя бы из уважения к её памяти ты обязана туда съездить.

— Не поеду, — решительно отрезала я, — ни за что не поеду, хоть убейте!

* * *

Неделю спустя я остановила машину на развилке двух дорог и взглянула на указатель. До Лапино оставалось пять километров. Всю дорогу я твердила про себя невесть откуда впорхнувший в память стишок из детской

сказки: «Несёт меня лиса за тёмные леса, за высокие горы. Котик-братик, помоги!»

Размазывая по щекам слёзы, я чувствовала себя тем несчастным петушком в лисьих лапах. Одиноким и покинутым, с той лишь разницей, что у петушка имелся в наличии котик-братик, а я была одна. Одна среди дорог и туманов.

Прежде чем двинуться дальше, я вышла из машины и глубоко вдохнула необыкновенный запах сосновой рощи, чуть тронутый весенней оттепелью. Наверное, это были лесопосадки, потому что деревья стояли ровными рядами и солнце пронизывало их насквозь снизу доверху. Снег кое-где успел растаять, а на тёмных проталинах белыми огоньками сияли первые подснежники.

«Господи, хорошо-то как!» — сказала я себе и внезапно поняла, что мои мысли уже потекли по другому руслу, остановив бесконечный диалог с предателями во главе с Кругликовым. Я переждала, пока мимо проедет хлебный фургон, и уселась в машину. Воспарившее было настроение вновь упало от предчувствия: как же я буду пробираться к тётинуму дому по вязкой снежной гуще грязно-серого цвета?

С первого взгляда посёлок удивил меня своей чистотой и добротными домами. Чтобы взять ключи от дома, мне пришлось зайти в поселковый совет. Управляющая делами — пожилая дама в синем жакете — с интересом взглянула на меня поверх очков:

— Значит, вы и есть Надюшина племянница. Приятно, что вы наконец вступите в право собственности. Не удивляйтесь, что я так запросто, — мы с Надей дружили. Так что милости прошу с любыми вопросами. Меня зовут Ирина Родионовна.

Ассоциация с няней Пушкина прослеживалась без увеличительного стекла. Я едва сдержала улыбку, но Ирина Родионовна и бровью не повела:

— Адрес знаете? Лесная улица, дом пять.

Я кивнула:

— Спасибо, постараюсь не заблудиться.

Ирина Родионовна приобняла меня за плечи и задушевно сказала:

— Помните: по любым вопросам — ко мне. — Она протянула визитку. — Вот мой телефон. Не стесняйтесь.

Улица Лесная заканчивалась осевшим набок домишком с корявой шиферной крышей.

Я оценила лежащий на боку забор, печную трубу, из которой вываливаются кирпичи, и с тоской подумала, что на ночь придётся искать гостиницу, или Дом колхозника, или ещё что-то в этом роде. Коротать ночь в этой развалюхе — всё равно что без средств спасения ступать на палубу тонущего корабля.

Беспомощно оглянувшись, я встретила взглядом с глазами девочки лет двенадцатитринадцати. Засунув руки в карманы яркозелёной куртки, она с любопытством прищурилась и сообщила:

— В этом доме никто не живёт.

Я сжала в руке ключи:

— Знаю. Но теперь этот дом мой.

— Ваш? — Девочка сделала шаг вперёд. — Ничего себе! А мама говорила, что его никто не купит.

— Я и не купила. Этот дом моей тёти, она умерла.

Девочка задумчиво оттопырила нижнюю губу:

— Здесь никто, кроме тёти Нади, не умирал, вы что-то путаете.

— Тётя Надя — моя тётя. Она мне дом оставила, — теряя терпение, пояснила я.

Лицо девочки прояснилось:

— Понятно. А то я уж хотела маме звонить. Вам тогда дальше, вон за ту рощицу. Тёти-Надин дом отсюда не видно, он на отшибе стоит. Тётя Надя всегда говорила, что любит одиночество.

— Вообще-то я тоже.

Оставив машину на асфальте, я двинулась вперёд по грунтовой тропке, больше похожей на ручеёк, чем на дорожку. Носы ботинок из нубука моментально почернели от влаги.

— Тут надо лопату взять и расчистить, — подсказала девочка. Отставая из деликатности на полшага, она шла позади как приклеенная. — У тёти Нади лопаты в сарае, я покажу.

Тропка вывела меня к крепкому забору на кирпичных столбах, за которым стоял розоватый каменный дом под односкатной черепичной крышей. Хорошими деревенскими домами сейчас никого не удивишь, но дом тёти Нади, точнее, мой личный дом выглядел как картинка с рекламного проспекта продажи недвижимости.

— Шикарно! — невольно вырвалось у меня.

Несколько мгновений я ошарашенно топталась на месте, а потом повернулась к своей спутнице:

— Это точно Лесная улица дом пять?

— Конечно, — девочка показала на крупный номер, прибитый на воротах. — Сами посмотрите, — в её голосе зазвучала гордость, — этот номер я вместе с тётёй Надей вешала. Тётя Надя как раз из суда пришла, а тут я подвернулась, она и говорит: «Иди сюда, Леся, помоги мне», — ну, я и помогла. Мне не трудно. Людям ведь надо помогать, правда?

— Из какого суда? — тупо переспросила я. — Она что, судилась с кем-то?

— Ага, — согласно закивала Леся, — она каждый день судилась. Только у нас больших преступлений не бывает, всё по мелочи, хулиганство там какое или воровство, но вы не подумайте, этим только пьяницы занимаются. Криминогенная обстановка у нас отличная. — Длинное слово она произнесла с явной гордостью. — А тётя Надя была очень справедливая. — Леся метнула взгляд в сторону дома и добавила: — И честная. Все говорили — наша судья самая неподкупная.

Значит, тётя Надя была судьёй. За собственными обидами я даже не удосужилась расспросить маму поподробнее. Я посмотрела на Лесю.

— Спасибо тебе за помощь, дальше я сама справлюсь.

— Ага, — согласилась Леся, не трогаясь с места.

Дорожка к дому была выложена красными плитками, успевшими оттаять от снега. Поднявшись на широкое крыльцо с открытой верандой, я вставила ключ в замочную скважину. Замок щёлкнул с лёгкостью хорошо смазанного механизма, дверь распахнулась, и на меня пахнуло волной холода.

— Конкретный дубак, — сказала за моей спиной Леся, которая не собиралась никуда уходить. — Вам надо включить котёл в подвале. — Она показала рукой на дверь в нише: — Это туда. Пойдёмте, я вам покажу. — Девочка бодро поскакала вниз по ступенькам, где стоял белый агрегат, похожий на большую стиральную машину. — Сначала надо нажать на эту кнопочку, а потом на эту. Здесь должна замигать лампочка. Потом она потухнет и загорится зелёный огонёк.

Лесиные пальцы уверенно нажимали кнопки, и, повинуясь её приказам, котёл послушно загудел на низких нотах. Она с довольным видом сощурилась:

— Ну вот, теперь к вечеру станет тепло. Вы, главное, не бойтесь, если газ закончится или что-то поломаётся, то котёл сам отключится и запищит.

От длительного сидения за рулём (а я выехала в шесть утра), от всех расспросов, котлов, прогрева водопровода, Лесиной трескотни у меня голова пошла кругом. Я поняла, что немедленно нуждаюсь с большой чашке чего-нибудь горячего и паре бутербродов, желатель-но с маслом и докторской колбасой, но сойдёт и ливерная. Продукты я предусмотрительно захватила с собой, но чай или цикорий предполагалось организовать на месте назначения. Я поднялась из подвала в кухню и только тогда осмотрелась.

Кухня была небольшая, но уютная, с современной керамической плитой и круглым столиком, на котором стояла ваза с засохшим букетом полевых цветов. На длинной полке вдоль стены были расставлены гжельские горшки и горшочки. На столике рядом

с раковиной красовались электрический чайник и кофеварка.

— Тётя Надя не пила кофе, — деловито сообщила Леся, — она любила только цикорий. А кофеварку для гостей держала.

«Я тоже пью только цикорий», — с возрастающим изумлением подумала я, но самый большой шок поджидал меня в виде кафеля над кухонным столом, где я увидела синие рисунки с принцессами, рыцарями и ветряными мельницами. Оттого, что повеяло детством у старого камина, на глаза навернулись слёзы умиления, и сразу вспомнилось, как я больная лежу возле камина и представляю, что рыцарь в латах протягивает мне пышную синюю розу.

Дом тёти Нади завораживал меня своей похожестью не только на прежнюю хозяйку, но и на меня саму, словно бы мы с тётушкой оказались слепленными из одного теста. Меня восхитила старинная мебель, любовно расставленная в гостиной, и чудные лампы из матового стекла, что заменяли традиционную люстру. Не удержавшись, я скользнула пальцами по резной створке буфета. Он стоял напротив окна рядом с вольтеровским

креслом. Подумать только — вольтеровское кресло в районном центре!

— Какое богатство! — Похоже, я произнесла свои мысли вслух, потому что Леся немедленно откликнулась:

— Тётя Надя собирала мебель со всех помоек и сама ремонтировала! А буфет она купила у Сидоркиных. Представляете, за целых пять тысяч! Ужас какие деньжищи. Тем более что буфет был поцарапанный и с отломанной дверцей. Сидоркина в магазине всем хвасталась, что на выручку всю комнату обставила, да ещё денег хватило, чтобы обмыть покупку.

Сразу за буфетом стоял письменный стол с хорошим ноутбуком и фото щекастой девочки в красном платочке. Папа называл эту фотографию «Алёнка». Как шоколадку.

— Это девочка Женя, — тут же прокомментировала фото Леся, заметив мой пристальный взгляд. — Она живёт в Петербурге. Наверное, уже в школу ходит.

— Школу она давно закончила, и университет тоже... — Взяв в руки фотографию и посмотрев, что на обороте крупным детским почерком было написано «Тёте Наде от Жени», я произнесла себе под нос подслушанное

где-то: — «Страшно не то, что мы взрослые, а то, что взрослые — это мы».

Ныне сусальная пухляшка в платочке трансформировалась в молодую женщину в потёртых джинсах и стёганой куртке с меховым капюшоном. Если бы меня попросили набросать свой словесный портрет, то я сказала бы «никакая», хотя подруга утверждает, что я красивая шатенка среднего роста, с чуть курносим носиком и загадочными зелёными глазами. Что загадочного нашла Наташка в моём облике — для меня загадка.

Кроме кухни и гостиной в доме имелись две спальни: большая и поменьше. В маленькой стояли двуспальная кровать и тумбочка, покрытая вязаной салфеткой, а большая спальня являла собой будуар в сельском стиле: с чёрной деревянной кроватью под лоскутным одеялом, с такой же тумбочкой, шкафом и высоким торшером с квадратным абажуром. При ближайшем рассмотрении абажур оказался затейливо сплетённым из гибкой лозы.

Вездесущая Леся немедленно дала пояснения:

— В большой спальне спала тётя Надя. Одеяло тётя Надя тоже сама сшила. — Леся

боком подкатилась к кровати и ткнула пальцем в ярко-жёлтый лоскут с красными цветочками. — Видите, как красиво? Эту ткань моя мама подарила. — Звучно шмыгнув носом, она кивнула в сторону стенки. — А там спальня для гостей. Но к тётё Наде гости не ездили. Она ждала-ждала, что приедут, на праздники пироги пекла, а к ней никто не ехал. Только мы с мамой ходили чай пить и Ирина Родионовна из поселкового совета.

Я почувствовала, как от стыда краснею. Чтобы заглушить голос совести, поспешно попросила Лесю показать мне сарай и объяснить, где взять лопаты для расчистки дорожки и места под машину.

Леся охотно побежала вперёд, а я вышла на крыльцо, посмотрела на набухающие почки вербы под окном кухни и громко произнесла:

— Спасибо тебе, тётя Надя, за царский подарок. Я постараюсь оправдать твоё доверие, хотя пока не знаю как.

* * *

Оказалось, что кроме центрального отопления в доме есть и крошечная печурка. Она

притулилась в углу гостиной, и я не сразу поняла назначение забавного круглого барабана, оплетённого толстыми стальными трубками.

Растопить печку тоже помогла вездесущая Леся, и я преисполнилась уважения ко всем деревенским детям, которые в сто раз сообразительнее нас, городских неумех с университетскими дипломами, зачастую совершенно бесполезными в иных условиях. Не знаю, почему мне пришла в голову подобная фантазия, но я мысленно окрестила печурку Дусей. И тут меня поджидал новый сюрприз, потому что, засовывая полено в топку, Леся между делом промолвила:

— А у этой печки есть имя. — Искоса посмотрев на меня, она хихикнула. — Тётя Надя называла её Дусей.

Чтобы не охнуть вслух, мне осталось только согласно кивнуть головой:

— Дуся так Дуся. Главное, чтобы хорошо грела.

Горячую чашку с растворимым цикорием я выпила ближе к вечеру, когда в доме чуть потеплело, а дорожка и место под стоянку были расчищены.

На прощание Леся поднесла палец к губам и таинственно прошептала:

— А ещё неподалёку отсюда обитает привидение.

— Кто?

— Женщина! — Лесины глаза округлились от возбуждения. — Она приходит со стороны заброшенного карьера и бродит туда-сюда, вроде бы как ищет кого-то. Вы только подмечайте, как она одета, в какое платье. Если в белом платье, то хорошо, но если в чёрном — жди беды.

Честно говоря, я не суеверная, поэтому Лесины слова пропустила мимо ушей как пустую болтовню и вспомнила про них посреди ночи, когда меня разбудили осторожные шаги над головой. Не размыкая век, я подумала, что всё ещё сплю, настолько шум был тихим и робким, словно далёкое поскрипывание лодочных уключин. Потом я сообразила, что лодки, да и самой реки, на чердаке точно быть не должно, и окончательно проснулась. На некоторое время шаги затихли, и я начала успокаиваться — мало ли что причудится после тяжёлого дня? Но едва закрыла глаза, как шорохи возобновились с новой силой.

Мне стало не по себе: а вдруг там и вправду шастает привидение, да ещё в чёрном платье? Может, ей предложить помидор, оставшийся от ужина, или кусочек буженины на ломтике хлебushка?

Стараясь не спугнуть нарушителя, я встала и прокралась к входной двери, благо не приходилось одеваться. Намаявшись за день, я рухнула обессиленная на диван в гостиной прямо в джинсах и свитере, тем более что ещё не разобралась, где лежит постельное бельё и в каком оно состоянии. Да и свет я не выключила, оставив гореть настенное бра над диваном. Золотистый луч отбрасывал на пол длинную световую дорожку, заканчивающуюся у порога комнаты.

За дверью стояла тишина, но движение на чердаке стало явственнее. От осенившей меня догадки я похолодела: крысы! Точно крысы! Их я боялась куда больше загадочной женщины в неизвестно каком платье. Судя по английской литературе, с привидением всегда можно поладить, в отличие от крыс. Я представила на своей одежде маленькие цепкие лапки, и меня передёрнуло от омерзения.

Поискав глазами средства защиты, я вооружилась половником, что висел над плитой, махом распахнула дверь в прихожую, откуда вела лестница на чердак, и нашарила кнопку выключателя. Хвала небесам, крыс не было! Уже легче. Забраться на чердак я не отважилась, но ради собственной безопасности заблокировала чердачный люк половником и отправилась спать дальше.

* * *

На этот раз меня разбудила тишина. Я настолько привыкла к круглосуточному гомону большого города, что отсутствие шума давило на уши. Единственным звуком с улицы был шёпот ветра за оконными стёклами и далёкий лай собаки, указывающий, что я не на безлюдном атолле в Индийском океане, а нахожусь на обитаемой части суши.

Несмотря на бурную ночь с поисками крысы, я проснулась бодрой и отдохнувшей. Быстро приняла душ, с наслаждением постояв под тугими струями горячей воды.

Ещё вчера, выезжая из Петербурга, я представляла себе щелястую избу-развалюху

и туалет во дворе. А здесь оказался комфорт гораздо лучший, чем в нашей с родителями хрущёвке в тридцать шесть квадратных метров. Толстые махровые полотенца были новенькими, как в хорошей гостинице, а детское мыло оказалось именно таким, какое я всегда покупаю для себя. Похоже, я начинала привыкать к совпадениям.

Пара чашек крепкого цикория окончательно поставила меня на ноги, и я начала детальное обследование своего нового дома. Своего, собственного! Хотя меня не оставляло очень странное ощущение, что я в гостях. Каждый раз переходя из комнаты в комнату или беря в руки какую-то вещь, меня тянуло спросить: «Тётя Надя, можно?» Потом я говорила себе, что можно и хозяйка теперь я, но чувство неловкости не проходило, наверное, потому, что я не заслужила такого царского подарка, каким одарила меня тётя Надя.

На всех вещах лежал толстый слой пыли, а единственное большое зеркало было занавешено пёстрой простынёй с травяным узором. Я стянула простыню с круглой рамы и обратила внимание, что выгляжу в зеркале то ли испуганной, то ли растерянной, но никак

не радостной. Два широких книжных шкафа в коридоре ломились от книг. Судя по всему, тётя Надя, как и я, предпочитала русскую классику и зарубежные романы. Порабощённая интернетом и электронными средствами, я уже забыла, каково это — читать не мёртвый текст с монитора, а живую книгу в плотном переплёте, которая помнит прикосновения тех, кто брал её в руки.

Прежде я обожала неспешно листать страницы с ароматом тайны, сокрытой между обложками и корешком, и гадать, случится между нами роман или книга окажется пустышкой для бесполезного времяпрепровождения. Любимую книгу можно положить под подушку и утром начать читать с любого места, удивляясь, как явственно воскресают те мысли, чувства и даже запахи, что витали вокруг при первом знакомстве.

Протянув руку, я вытащила наугад книгу, оказавшуюся томиком Уилки Коллинза, и прочла случайную строчку в конце страницы: «На этот раз терпение моё было вознаграждено находкой, которая взволновала меня и смутила невыразимо». Я хмыкнула: символично в свете моих нынешних занятий

по ознакомлению с личным замком, полученным в наследство от феи-крёстной.

Постельное бельё обнаружилось в комодке спальни. Отдельно там лежали несколько нераспечатанных комплектов и новенькое одеяло.

Из окна кухни открывался вид на калитку и тропинку, по которой вчера Леся привела меня к дому. Я мельком глянула на машину, которую запарковала у сарая, и внезапно заметила, как вблизи перелеска за околицей мелькнуло что-то белое. Сразу вспомнилось привидение и шорох на чердаке. Ну уж нет! Теперь, при дневном свете, никаких привидений. Подбадривая саму себя, я храбро двинулась на чердак и взбежала по ступенькам вверх. Половник в виде задвижки оставался в том же положении, в каком я воткнула его ночью.

— Кто бы ты ни был, я тебя не боюсь, — громко сообщила я пространству, заполненному запахом сухих берёзовых веников и утреннего морозного воздуха.

Доски под моими ногами отозвались тихим поскрипыванием. Я ступала совсем легко, невесомо, но тем не менее мои шаги вспугнули

того, кто таился на чердаке, потому что в дальнем углу что-то заворочалось. Я замерла.

— Эй, ты слышишь? Я тебя не боюсь! Выходи!

Вспомнив, что всё ещё сжимаю в руке половник, я перехватила его удобнее на случай, если придётся давать отпор. Корзина, стоящая на полу, вдруг подпрыгнула, плавно накренилась набок, и оттуда вылезла огромная тощая крыса с длинным облезлым хвостом. От ужаса у меня остановилось дыхание. Медленными шажками я попятилась назад к лестнице.

«Мутант!» — панически метнулась и пропала короткая мысль.

Крыса подняла голову и мяукнула.

Я замерла на одной ноге, как стояла, и несколько мгновений у меня в голове царил полный ералаш, пока я не сообразила, что «крыса» принадлежит к семейству кошачьих.

Наклонив голову набок, кот с прищуром осмотрел меня с ног до головы и, задрвав хвост трубой, пошёл к выходу с чердака. Мне ничего не оставалось, как пристроиться в арьергард. Похоже, он знал дорогу не хуже меня. Но как же оказалось моё удивление, когда кот отправился прямо в кухню, сел на пол около

шкафчика под плитой и требовательно ударил лапой о дверцу.

Словно под гипнозом, я послушно распахнула дверцу, за которой оказался запечатанный пакет кошачьего корма. Я глянула на кота с уважением новосёла к старожилам:

— Значит, ты кот тёти Нади?

Кот проигнорировал мой вопрос и жадно набросился на еду. Вздохнув, я налила ему воды в блюдце и сделала зарубку в памяти — узнать у Леси его имя.

Леся позвонила в дверь после полудня, когда я успела навести порядок на кухне и частично разобрать вещи в гостевой спальне.

— Здравствуйте, Евгения Игоревна! Мама сказала, чтоб я вам не надоедала, поэтому я на минуточку. На минуточку ведь можно, правда?

Я улыбнулась:

— Правда.

Леся внезапно ойкнула и указала на кота:

— Гоша вернулся?

— Значит, его зовут Гоша? Хорошее имечко. Я нашла Гошу на чердаке.

— Но этого не может быть! — возбуждённо затараторила Леся. — Он исчез в день похорон тёти Нади, и на чердаке его точно

не было, потому что мы с мамой сами закрывали дом. И чердак тоже проверили. Да и как он мог целый год просидеть на чердаке?! Что он там ел бы?

Я пожала плечами:

— Не знаю, может, мышей?

— У тёти Нади нет мышей, — не сдавалась Леся. — И тогда на чердаке пахло бы котами.

Аргумент был весомый. Я вспомнила приятный запах берёзовых веников и вынуждена была признать:

— Пожалуй, ты права.

— Ну вот! — Лесины глаза расширились. — Может быть, он жил у той женщины? — она кивнула головой в сторону леса. — Помните, я вам вчера рассказывала? — Она вдруг забеспокоилась. — Кстати, а вы её не видели? А то я в школу шла, а в роще кто-то завывал негромко так: у-у-у-у-у, у-у-у-у.

— Никто у меня не выл и не бегал, — пресекла я Лесю, — ты лучше скажи, есть здесь зоомагазин и ветеринарный врач? Если Гоша скитался целый год, то его точно стоит показать ветеринару.

Я разговаривала с Лесей, шутила, попутно протирали тряпкой подоконники и не могла

отделаться от желания поскорее остаться одной. Леся следовала за мной по пятам и удалилась лишь тогда, когда я сообщила, что хочу немного подремать. Конечно, спать я не собиралась, а заварила себе кружку цикория и приступила к тому, что откладывала на потом, — подошла к комоду и выдвинула ящик с документами.

* * *

В первую очередь я хотела найти тётину Надину фотографию. Тётю я видела всего несколько раз в жизни. Смутно помнилась пожилая женщина, гораздо старше моей мамы, с круглой причёской валиком и красивой брошью у воротничка блузки. Брошку я запомнила гораздо лучше самой тёти Нади, потому что не могла глаз отвести от ярко-красного камня и сверкающей оправы с цепочками. Когда тётя Надя наклонилась, чтоб взять чашку чая, брошка заиграла переливами света, и наша крохотная кухня вдруг превратилась в праздничный зал с нарядной дамой во главе стола.